

...Шумит, бежит Гвадалквивир...

Аллея скульптур Сальвадора Дали
в Марбелье

"Ночной зефир струит эфир..." — напевала моя тогда еще молодая мама, приводя меня в изумление. Начитанный мальчик, я, тем не менее, знал значения лишь глаголов, а существительные оставались загадкой... Став постарше, узнал и про легкий ветерок, и про эфемерное его дуновение, и про то, что Гвадалквивир — река Испании, воспетая Пушкиным, который в этой стране и вообще за границами Российской империи (если не считать спорного кавказского Эрзума) не бывал. Не пустили...

Гвадалквивир протекает по одной из земель Испании — Андалусии.

Если бы она дала миру только фламенко, корриду и херес — и этого было бы достаточно, для того чтобы стремиться сюда, на Юг Испании, с юных лет, когда впервые были прочитаны стихи Лорки и романы Хемингуэя. Терпкое белое вино со "скачущим" для нашего уха ударением мне удалось попробовать лишь в зрелые годы и убедиться, что нужно пить его на родине напитка — в одноименном андалусийском городе...

Если говорить о корриде, то задолго до поэта Федерико Гарсиа Лорки ее воспел художник Франсиско Гойя. В начале 18-го века он был пленен и околдован искусством тореро Педро Ромеро и Пепе Хилло, уроженцев горной Ронды, древнего города, словно разрубленного пополам ударом гигантского меча. Над пропастью перекинут мост, ведущий к первой в истории арене, где бой быков превратился из кровавого единоборства человека и зверя в ритуальное Действо, но и в Спектакль со своей строгой драматургией.

В Музее корриды мы видели эстампы Гойи и костюмы его героев, удивившие мальчишковыми размерами камзолов, панталон, туфель... Легендарные испанские мастера тавромахии обладали маленьким ростом (как и древние минойцы с острова Крит, где зародилось искусство игр человека с быком), но могучим духом и отвагой. Но шпаги в руках малышей-то

реро были "взрослыми", и сегодня поражают своими размерами и смертоносным "оскалом". Но куда внушительнее и страшнее выглядят головы и рога сраженных ими быков. По-моему, нынешние — значительно меньше, а вот красавцы тореро — крупнее...

Я не поклонник боя быков, но все же, стоя в центре арены, залитой палящим солнцем, кажется, все же что-то понял в характере испанцев, бросающих вызов опасному противнику, бескрайнему, неведомому пространству, беспощадному Року... Их храбрость, неукротимость, целеустремленность, зачастую граничащие с жесткостью, верность избранным идеалам — все это проявляется на протяжении веков. И в годы Реконксты, когда войска королей Фердинанда и Изабеллы отвоевали страну у мавров, веками правивших ею, и в эпоху Конксты — открытия Колумбом Америки и завоевания Нового Света, и в 20-м веке — в братоубийственной гражданской войне 1936-1939 годов, с которой неразрывно связаны судьбы и Лорки, и Хемингуэя, и миллионов людей разных национальностей, втянутых в этот первый масштабный конфликт между фашизмом и демократией.

Уроженец Гранады, Лорка не был коммунистом, скорее — интеллигентом-либералом, не терпящим грубости и чванства военщины, да еще с фашистским душком. Франкисты расстреляли его в августе 1936-го.

Мы поднялись на крепостные стены мавританского чуда — Альгамбры —

Памятник Дон Жуану в Севилье

спустя 70 лет, чтобы убедиться в гениальности поэта, воспевавшего Гранаду: "Забудь ли тебя, мой город! В тоске о морской прохладе ты спишь, разметав по камню не знавшие гребня пряди...".

"От Севильи до Гранады..." Помню, как в детстве находил на карте названия этих городов, думая, что на дороге между ними, на склонах Сьерра-Невады, в постоянных дворах и королевских дворцах, действительно "в тихом сумраке ночей раздаются серенады, раздастся звон мечей". Многие мои сверстники, начитавшись мистификаций А.К. Толстого про эти самые "мечи", стихов Пушкина, романа Сервантеса, пьес Лопе де Веги, новелл Мериме, представляли себе Испанию именно такой...

Впрочем, почти такой мы увидели Севилью — современный миллионный полис, где можно побывать в доме Дон Жуана, увидеть здание табачной фабрики — место работы роковой Кармен. А вот тюрьма, где Сервантес начинал сочинять роман про Дон Кихота, не сохранилась... В огромном соборе — гробница Колумба, начинавшего из Севильи свое великое плавание...

И в Севилье, и в Гранаде, и в Кордове — по всей Южной Испании, включая Каталонию, с 10-го века жили евреи, пять столетий занимавшие видные места при дворах и мавританских султанов, и христианских королей. Они были искусными дипломатами, не раз "перетиравшими" конфликтные ситуации, банкирами, сужавшими обе стороны, купцами, торговцами, врачами, алхимиками и химиками... Весом вклад иудейской этики, ментальности и мировоззрения в литературу и философию Испании. В Кордове установлен памятник великому философу Маймониду, который, несмотря на свой авторитет и заслуги, должен был бежать в Египет а вместе с ним — все 200 тысяч испанских евреев-сефардов... Случилось это в конце 15-го века, когда распоясалась Инквизиция, сокрушенная лишь Наполеоном, — почти четыре столетия спустя...

И сегодня, в 21 веке, в Андалусии ощущается своеобразие сплава архитектуры, искусства, культуры, кухни разных цивилизаций, родившихся и угасших в этих местах. Да и в характере граждан Испании, среди предков которых были представители многих рас и этносов... Наш друг, родившийся в Одессе, а ныне — известный испанский архитектор Маноло Нуньес-Яновский (отец — республиканец из Барселоны, мать — одесская студентка) полагает, что в жилах каждого испанца есть капля и мавританской, и еврейской крови.

Может быть, поэтому я чувствовал себя как дома и в переулках старой Гранады, и на широких проспектах современной Севильи, и в трактире горного Михаса, и в курортных городках Коста-дель-Соль — Берега Солнца, откуда до Африки рукой подать, скажем, до марокканского Танжера, а за соседним Гибралтаром — Атлантика...

Об этом — строки рифмованного путевого дневника и фотографии, на которых нет Гвадалквивира. Река со столь звучным названием, увы, ничем не примечательна, особенно в знойные летние месяцы, когда становится мелководной, и даже странно, что когда-то по ней из Севильи в Кадис плыли каравеллы Колумба...

От Севильи до Гранады...

В Севилье чары мавританских колдунов
воззвать способны из литературных снов
с табачной фабрики строптивую девчонку,
идальго славного со шпагой звонкой.

Кармен и Дон Жуан!
Каков роман!

* * *

В день рождения пращура —
под колокольный звон —
к его гробнице приходит
адмирал испанского флота
дон Кристобаль Колон.

* * *

Мелькнет в толпе знакомое лицо...
Носик с горбинкой, точена губа...
— Батюшки! Это-то кто?
Неужто, блин, Альба?

* * *

Там, где Кармен вертела
сигары на бедре своем грешном,
долбят Мериме студиозусы
университета здешнего.

* * *

Пытают инквизиторы еврея — стараются, пыхтят, потеют...
А тот, терпеть уж силы не имея, коммерческою с ними делится идеей:
"Меняю ваш сапог испанский — с доплатой —
на сапог италийский..."

* * *

Альгамбра!
Бриллиантов амбары!
Султанского быта аксессуары!
Огромное количество тантрической еды!
Адские гаремы.
И райские сады.

* * *

В горных селеньях Гранады — уж точно —
Нет ни супермаркетов, ни торговых точек.
Творог, сметану и молоко развозит здесь Тевье-молочник.
Ему помогает всегда и во всем еврейский покладистый ослик.

* * *

Вот в Кордове воровка на доверии
романс поет — все об испанской жандармерии...

* * *

"Колоколам Кордовы
зорька рада.
В колокола звонкие
бьет Гранада..."
Здесь — малая родина Лорки,
а мы все талдычим Светлова
из пионерского часослова:
"И губы шептали: Грена..."
А может быть, больше не на...

Но пропасть бездонна!

* * *

Первые тореро — мужички из Ронды,
с улыбкою загадочной давинчевой Мадонны.
Стройные паяцки, гойевские мальчики —
фарфоровые пальчики.

Их камзолы и штиблеты
пришлись бы впору нашим детям...
А быки — всегда огромны:
даже на трибуне — стремно...
За тройным кордоном, за крепким забором,
я пою куплеты про Тореадора!

* * *

Волшебный пейзаж, киношный пейзаж.
Для фентези дивный готов антураж.
Но Ронда — не лента из фильмофонда.
И пропасть — бездонна, любезные доны...

* * *

Синьоры!
Да будьте же донами!
Скиньтесь по еврику иль хоть по рублю!
Трубы горят!
Если откажете, буду жаловаться королю!

* * *

Испанец испанца встречает
приветливым вскриком: "Hola!"
И делают вид, что оба не знают:
Хуан во дворце живет-поживает,
Рауль же — босяк — ни двора, ни кола...

Ах! Какое было лето!

Коста-дель-Соль!
Море Средиземное
здесь производит соль...
На крышах дремлют аисты...
Похлебки здесь наваристы —
ядренная фасоль...
Здесь Карменситы ласковы.
Стервозная Ассоль.

* * *

В порту андалусийском
на яхте — триколор российский.
По закоулкам бухты возит
нас головастый паровозик.
Шныряют рыбки у причала,
как будто в море места мало.
В Одессе б плавали недолго,
вмиг оказавшись на Привозе...

* * *

На пляже в Марбелье старый еврей
украдкой пасет табунок Дульсиной...
На катере мчится морская пехота:
Шестнадцать бравых Санчо Панс —
и ни одного, синьоры, Дон Кихота!

* * *

Миллиардеры вытащили бонус —
шваргуют яхты в Порто-Банус,
но знал еще Сервантес,
что Фортуна — девка,
внезапно нам показывает анус...

* * *

Забыв приличья
и жены запреты,
горланю канто-хондо я!
Бью в кастаньеты!

* * *

Какая боль!
Какая боль!
Остаться без денег
на Коста-дель-Соль!

* * *

Ах, какое было лето!
Херес, Кармен и кастаньеты!

Фото автора и Татьяны ВЕРБИЦКОЙ

